

Глава одиннадцатая

РОЛЬ ЮМОРА В СОЗДАНИИ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ОБРАЗОВ

Значение юмора в романе «Пролог» не исчерпывается тем, что он выступает как могучее орудие реалистической сатиры. Он служит ему также и для создания положительных образов, как средство типизации и индивидуализации характеров Волгина и Левицкого, Лидии Васильевны и Соколовского.

Роман «Пролог» включает в себе новые достижения реалистического мастерства Чернышевского не только в области сатиры, но и в создании положительного героя. Герои романа «Что делать?» показаны главным образом в области быта и труда, а в изображении профессионального революционера Рахметова Чернышевский вынужден был ограничиться намеками и иносказаниями. В «Прологе» Волгин показан непосредственно в обстановке политической борьбы, конечно, в тех ее проявлениях, которые возможны были в период подготовки реформы.

Показывая главного героя в его связях с людьми различных политических направлений, Чернышевский получил возможность гораздо полнее раскрыть духовный мир Волгина, всю систему его политических взглядов, симпатий и антипатий, сложность и красоту его морального облика.

Волгин — литератор, журналист. И в своей профессиональной работе, в отношениях с представителями либерального лагеря он выступает как последовательный защитник и представитель интересов эксплуатируемого народа. Он работает с колоссальным напряжением сил: «Какого здоровья может достать надолго при такой работе? — Придешь поутру звать его пить чай, он сидит и пишет; уверяет, что недавно проснулся; потом пьет чай... И всегда, работает целый, целый день, как встал, так и за работу, — и до поздней ночи. Ни напиться чаю, ни пообедать как следует, ему некогда. Схватит стакан и

уйдет за свою проклятую работу; даже тарелку с последним кушаньем уносит в свой проклятый, проклятый кабинет. Только и отдыха если кто придет к нему, или ему надобно итти; да и от этого иногда только больше горя мне: прошло два, три часа днем без работы, он и сидит за нею ночью».

Волгин знает, что пропаганда революционно-демократических идей — пока единственное серьезное дело, которое возможно в интересах народа. Но он мечтает быть не только народным заступником, но и «борцом за народ», т. е. участником и руководителем массового народного движения. Пламенная любовь к народу, вдохновляющая на самоотверженный, героический труд, неудовлетворенность теми возможностями, которые представляются исторической обстановкой — главная, коренная черта морального облика Волгина.

Отношение Волгина к людям целиком определяется его революционно-демократической позицией. Он оценивает людей с точки зрения той пользы, которую они приносят или могут принести в борьбе за раскрепощение народа. Поэтому он судит о людях не по их словам о себе и своих намерениях, а по действительному содержанию их взглядов и поступков. Отсюда исключительная проницательность, способность безошибочно судить о людях — не только об их настоящем, но и об их будущем.

В отношениях с людьми Волгин чрезвычайно сдержан и руководствуется только революционной целесообразностью. «Я признаться сказать, не люблю лишних знакомств», — говорит он. И это не только потому, что он жалеет отрывать время от работы для бесполезной болтовни, но еще и потому, что он опытный конспиратор, широко осведомленный о деятельности революционного подполья. Скрывать свои мысли, не говорить лишнего, избегать истины, когда ее не следует знать чужим людям, вошло в привычку Волгина. Только «для коротких знакомых его было не трудно различить, когда он отделяется от правды своими необыкновенно замысловатыми выдумками, когда говорит правду». Эта необходимость «шарлатанить», как он выражается, тяжела ему самому, если он относится к собеседнику с уважением, как, например, к Соколовскому. Он предпочитает совсем не общаться с ним, пока нельзя будет свободно говорить обо всем. «При людях, с которыми могу быть нараспашку, не имею охоты шарлатанить», — говорит он. Но это возможно только с единомышленниками и соратниками, а таких людей очень мало. Только с Левицким у него сразу, после прочтения первой его статьи и первого личного разговора, устанавливаются самые открытые дружеские отношения. Увидев в Левицком настоящего единомышленника и освободившись от вынужденной сдержанности, Волгин про-

являет в отношениях с ним юношескую горячность и огромную силу дружеского чувства.

Глубокое уважение к Соколовскому определяется тем, что его личные достоинства, привлекательные сами по себе, рано или поздно станут ценнейшими качествами революционера-демократа.

Интересно, что Волгин преодолевает ригористическую ошибку Рахметова, отказавшегося от любви и семейного счастья до победы народной революции. Волгин женится и счастлив в семейной жизни, потому что он умел выбрать подругу, способную разделить его жизненные стремления. Он откровенно, «без обмана» открыл ей, какие опасности ожидают его в будущем.

В образе Волгина Чернышевский раскрывает еще одну типическую черту характера — способность к глубокому, подчас горькому, но всегда проникновенному юмору. Юмор выступает здесь как типическая черта положительного героя. Горький в своих воспоминаниях приводит замечательное суждение В. И. Ленина о юморе: «Это — хорошо, что вы можете относиться к неудачам юмористически. Юмор — прекрасное, здоровое качество... А смешного в жизни, пожалуй, не меньше, чем печального, право, не меньше»¹.

В статьях по эстетике Чернышевский рассматривает юмор как качество, свойственное людям высокой нравственной чистоты. В юморе проявляется недовольство высоко развитого в нравственном отношении человека самим собой и человеческими отношениями: «Почему же оскорбляется юморист слабостями своего характера, невыгодными сторонами своего положения в свете? Почему он осмеивает их? Только потому, что они мешают ему быть «настоящим человеком», кажутся ему противоречащими достоинству человека вообще. Оттого недовольство юмориста самим собою распространяется на целый мир, который повсюду поражает его своею мелочностью и своими слабыми сторонами (II, 189—190).

Характерно, что все отрицательные герои в романе «Пролог» совершенно лишены чувства юмора. Ни Савелов, ни Рязанцев, ни тем более Чаплин совершенно не чувствуют смешного положения, в которое сами себя ставят, комических сторон характера в других или в себе. У них это связано с отсутствием нравственной чистоты.

Недостаток юмора является существенным недостатком даже и в хороших людях. Так у Соколовского это связано с недостаточной проницательностью, с неумением разбираться в сущности человеческих характеров, видеть за позой и фразой их действительную природу. Волгин, Лидия Васильевна,

¹ М. Горький, Собр. соч в тридцати томах, т. 17, 1952, стр. 19.

Левицкий в высшей степени одарены способностью юмористического отношения к людям и к самим себе.

Чувство юмора помогает Волгину безошибочно разбираться в людях и обстоятельствах, ясно видеть все смешное, слабое и глупое в людях, видеть комическое расхождение между словом и делом. Эта проицируемость проявляется в первую очередь в области политических оценок и отношений. Волгин смеется над глупостью и трусостью либералов. В письме от 24 ноября 1873 г. Чернышевский писал жене и сыну: «Я всегда был человеком, смеявшимся над прогрессистами всех сортов» (XIV, 481). И в романе «Пролог» он говорит: «Волгин презрительно отзывался о всех знаменитостях домашнего либерализма». С презрительной насмешкой Волгин говорит о вздоре, которым набиты головы либералов, о проектах либеральных реформ, которые стали модой во второй половине 50-х годов. «Ныне, все проекты полезных ~~у~~реждений; я думаю, не подать ли проект, чтобы вашего Рязанцева с компаниею переименовать в гимназистов, и велеть им ходить на уроки к Болеславу Ивановичу. Авось, позаимствовались бы от него хоть капле смысла. Нет, не позаимствовались бы: некуда поместиться смыслу в их головах: всё битком набито вздором. Значит, нечего и подавать проект».

Волгин высмеивает дряблость и трусость либералов. Когда Соколовский пришел к нему с предложением писать адрес царю в связи с тем, что Чаплин не подписал доклад «об освобождении», Волгин отвечает: «Адрес?» — повторил он, удержав свою остроумную вселенность: — Да почему же писать адрес должен я? — Ближе бы Рязанцеву... Видно было, что Рязанцев не решится? — Кто же смелее его? Там были десятки людей, все записные прогрессисты. Почему никто не заговорил, что надобно поддержать Петра Степаныча и Савелова? Видно, все они умеют только вешать носы и хныкать».

О юморе Волгина, направленном против политических противников, Нивельзин говорит: «Вы любите смеяться над всеми», «Вы умеете быть зол!»

Волгин владеет всеми оттенками и формами юмора. Его юмор направлен не только на разоблачение идейных противников — либералов. Он смеется и над Соколовским. Но здесь он сдерживает свою насмешливость, ибо она направлена не против существа характера Соколовского, а только против тех либеральных планов, которыми он занят: «Вам надобно написать адрес; садитесь, пишите: — Адрес? — Волгин хотел залиться руладой, но посовестился смеяться над честностью энергического человека». Однако, избегая смеяться над характером Соколовского, он беспощадно высмеивает его либеральные суждения и идеи: «В России есть оппозиция — это

прекрасно; и я один из представителей ее — это очень лестно для меня. Благодарю вас, Болеслав Иванович: вы раскрыли мне глаза».

Он осмеивает представление Соколовского о том, что либералы работают «с искренним усердием», что они «добросовестны, прислушиваются к замечаниям, пользуются всяким советом, в котором есть здравый смысл», — осмеивает, «злоупотребляя кротким терпением Соколовского». Но Соколовский любит с ним спорить, «не смущаясь и не раздражаясь насмешками Волгина, которые обидели бы человека менее сильного, твердого и самоотверженного».

Насмешливый юмор Волгина в разговорах с Соколовским выступает как прием пропаганды; ирония служит для того, чтобы подвести собеседника к правильному пониманию вещей.

Юмор Волгина обращен не только на других, но и на себя самого. Эту особенность человека, расположенного к юмору, Чернышевский разъясняет в статье «Возвышенное и комическое» как свойство возвышенного характера. Шутливый тон Волгина иногда выступает как способ уклониться от прямого и откровенного суждения, когда он считает нецелесообразным для дела раскрывать свои истинные взгляды перед собеседником. Это — привычка опытного конспиратора скрывать истину от непосвященных: «хитрый человек был не только чрезвычайный хитрец, но и великий мастер шутить. Уместны ли шутки или неуместны, умны или глупы, это выходило как случится; его забота была только то, чтоб выходило, по его мнению, шутливо», — говорит о Волгине автор. И сам он признается, что любит шутить: «Люблю. И если шучу, то шучу. Может быть, надобно прибавить: шучу некстати, неуместно. И это бывает».

Но шутки над собой являются не только способом конспирации, способом уклониться от прямого выражения своих чувств и мыслей. Он горько шутит над своим *положением* в жизни, над невозможностью встать на путь прямого революционного действия, хотя только этот путь он считает настоящим решением всех противоречий, единственно достойной, отвечающей его жизненному идеалу, формой деятельности: «Мы с Болеславом Ивановичем забавны; почему? — Потому что оба ждем бури в болоте; болото всегда спокойно; буря может быть повсюду кругом, оно всегда спокойно».

Его ирония по поводу своей журнальной деятельности, по поводу своего влияния на общество имеет своим источником глубокую неудовлетворенность своим положением, исторической ограниченностью возможностей и форм революционной работы. Он горько смеется над самим собою, когда решил пойти на обед к Илатонцеву, чтобы играть там роль демокра-

тического «пугала» для помещиков: «Сознательно шел остаться в дураках вместе с другими. Разумеется, это представляло и некоторую приятность, для разнообразия, чтоб не всегда же быть глупцом без собственной охоты и в одиночку».

Волгин смеется и над некоторыми особенностями своего характера, вытекающими из положения человека, рвущегося к практической деятельности, но вынужденного ограничиваться пропагандой своих идей; смеется над чертами «кабинетного ученого», не умеющего свободно держаться в обществе, неловкого в обращении с людьми: «Я вовсе не умею держать себя. Лидия Васильевна всегда смеется над моей светскостью». «Он потешался над собою от души, и многие подвиги его ловкости, сообразительности, находчивости были очень забавны», — говорит Чернышевский.

Волгин смеется над своей вынужденною осторожностью, которую называет робостью и трусостью или мнительностью. «У меня характер мнительный, робкий. Я трус», — заявляет он.

Читатель ясно видит, что за «мнительностью» Волгина стоит широта кругозора, дальновидность, умение трезво учитывать обстоятельства. Волгин считает вредным для дела рисковать без надобности: «Когда потребует общая польза, нечего думать о себе; но пока обязанность гражданина не велит пренебрегать риском, надобно избегать всякого риска и самого ничтожного». Но эта необходимость избегать риска раздражает его, потому что противоречит его стремлению открыто и активно бороться с врагами народа, мешает быть тем, чем он хотел бы быть. Поэтому он и смеется над своей осторожностью и предусмотрительностью, называя эти свои качества «трусостью и мнительностью».

«...человек, склонный к юмору, представляется сам себе смесью нравственного величия и нравственной мелочности, слабости, представляется себе обезображенным всякого рода недостатками. Но он понимает, что корень его слабостей в том же самом, в чем корень всего возвышенного, благородного и прекрасного в нем, что его *недостатки необходимо связаны со всею его личностью*¹. Он, предположим, недоволен своей трусостью, но трусость, необходимо связана с его предусмотрительностью (не думать о беде может только тот, кто не видит ее)... Предположим, что он недоволен своей вспыльчивостью, опрометчивостью, но он видит, что вспыльчивость только следствие впечатлительности и живости. Потому, оскорбляясь своими слабостями, смешными и жалкими сторонами своего характера, своей наружности, своего положения в обществе, он в то же время любит их» (II, 189). Хотя в на-

¹ Выделено нами. — Г. Т.

смешках Волгина над собой много горечи, они выражают его внутреннее торжество над враждебными обстоятельствами.

Характерно, что склонность к юмору свойственна также и Лидии Васильевне и Левицкому; он выступает как типическая, общая черта положительных героев романа «Пролог».

В Левицком Чернышевский подчеркивает ту же способность юмористически относиться к своим неудачам. Но у Левицкого эта черта характера только еще вырабатывается, его юмор не носит еще такого всеобъемлющего и проникновенного характера и выражается почти исключительно в форме иронии над собой, над обстоятельствами, над окружающим.

Трагически пережив глупое легковерие товарищей, Левицкий очень скоро обнаруживает и комическую сторону их поведения: смешное легковерие добрых людей, делающее их орудием в руках подлецов.

Восторженно восприняв высокую оценку Волгина, его слова о том, что «придет серьезное время», и тогда он, Левицкий, нужен будет народу, опьянев от этих слов, Левицкий скоро замечает и комическую сторону того восторженного состояния, в какое привела его эта беседа. Ведь он по молодости лет еще никак не подтвердил на практике ту высокую оценку, которую дает ему Волгин: «Не знаю, — записывает Левицкий в дневнике, — как мы с ним взглянем друг на друга без хохота. Трудно решить, кто из нас был смешнее: он ли, говоривший, что я обязан беречь себя для блага народа, потому что я такой человек и т. д., — или я, хоть и державший себя хладнокровно, но слушавший такие слова и возражавший: «Вы ошибаетесь, я не такая редкость и драгоценность». Позволительно ли человеку в здравом уме слушать подобные вещи?... Нет, я еще более нелеп, нежели он! Подвергнуться такому головокружению!»

Левицкий иронизирует над собой и тогда, когда поддается иллюзиям, приписывая людям возможности и качества, которыми они совсем не обладают. Так было в случае с Анютой. Ирония помогает ему освободиться от иллюзий, пережить горечь разочарования, вытравляет способность к подобным смешным и наивным ошибкам. Юмор становится средством преодоления ошибок и слабостей характера. По мере того, как оттачивается мировоззрение Левицкого, вырабатывается характер, расширяется его жизненный опыт — становится богаче, разностороннее и его чувство юмора.

Зачатки политической сатиры заключены в иронических суждениях Левицкого о русском либерализме или о русской полицейско-бюрократической машине. «О, прогрессисты! Неужели в Лондоне серьезно принимают их за прогрессистов? Не верится», — говорит он по поводу либералов типа Рязанцева.

«Небывалое, неземное совершенство общественной благоустроенности, наполняющее самых буйных сынов России такою почтительностью. Счастливая нация!» — восклицает Левицкий по поводу того, что «рассвирепевший пьяный разбойник» — помощник квартального надзирателя — немедленно укрощается и трезвеет перед вышестоящим чиновником, даже перед родственницей высшего чина.

Характер острой социально-бытовой сатиры приобретают записи дневника Левицкого, посвященные супругам Дедюхиным или Алине Константиновне Тенищевой и ее любезному Федору Даниловичу.

Левицкий юмористически характеризует свой образ жизни у Илотонцевых, потому что бездеятельное состояние не только непривычно ему, но и противоречит его высокому представлению об активной, напряженной, богатой событиями жизни: «30. Утро началось рассветом; потом взошло солнце, — я не видел этого, но думаю, что было так. Прошедши по небу, как следует, солнце закатилось; после того стало смеркаться; после того, наступила ночь; это положительные факты, я был очевидцем. 31. Развязка вчерашнего ряда достопримечательных событий: в привычное время захотелось мне спать: я лег и заснул. Проснувшись ныне, увидел, что уже день, и по всем приметам, давно день».

Но, иронизируя над своей праздностью, он одновременно иронизирует и над качеством и глубиной своего юмора: «После того достопримечательные события повторялись во вчерашнем порядке. — Однако же, каким юмористом становлюсь я! Тонко, умно, едко! Счастлива публика, у которой будет такой писатель».

Следует, однако, отметить, что юмор в положительных образах романа «Пролог» выступает не только как типическая черта характеров передовых людей, как выражение их духовного превосходства над окружающими их людьми и обстоятельствами. Юмор является также и средством авторской характеристики положительных героев романа. В этом случае он носит добродушный, открытый, иногда лукаво-насмешливый характер — характер того «простодушного юмора», о котором Чернышевский писал, что в нем «гораздо более смеха, нежели горя». При этом «простодушный юмор» автора по отношению к любимым героям служит по преимуществу для индивидуализации их образов.

Нужно сказать, что мастерство индивидуализации, мастерство реалистического раскрытия типического через индивидуальное достигает в «Прологе» гораздо более высокого уровня, чем в романе «Что делать?». Чернышевский преодолевает в «Прологе» те элементы рационалистического схематиз-

ма, которые имелись в способе индивидуализации героев «Что делать?». Он отказывается здесь от мысли, что условием семейного счастья является обязательное *совпадение* индивидуальных склонностей характеров. Между Волпиным и Лидией Васильевной так же мало общего, в плане индивидуального своеобразия, как и между Лопуховым и Верой Павловной. Волгин так же малообщителен, так же склонен к замкнутости и сосредоточенному раздумью, как Лопухов. Лидия Васильевна, пожалуй, еще общительнее Веры Павловны, во всяком случае, в ее характере общительность показана живее и рельефнее. Кроме того, в противоположность Волгину, она красива и ловка, обладает безупречным тактом в общении с людьми любого круга, чрезвычайно наблюдательна в быту и т. д. Между тем, это нисколько не мешает самому глубокому семейному согласию и взаимной любви: они счастливо дополняют друг друга в своем индивидуальном своеобразии.

Вообще черты индивидуального своеобразия личности уже не выступают здесь как врожденные свойства природы, как нечто природное, не зависящее от общественных обстоятельств. Неповторимое индивидуальное своеобразие Волгина так тесно связано с его общественной позицией и конкретно — историческими обстоятельствами его деятельности, что и в личных отношениях сказываются особенности, привычки, навыки, выработанные в его общественной практике. Например, черты «кабинетного ученого» или неумение держать себя в светском обществе выражают индивидуальное своеобразие личности Волгина. Но они отнюдь не являются врожденными особенностями его «натуры», а, наоборот, сложились в его жизненной практике, зависят от конкретных обстоятельств этой практики: черты «кабинетного» человека порождены тем, что главная форма его революционной общественной деятельности — это литературно-журнальная пропаганда передовых идей, деятельность, требующая усидчивой, «книжной», кабинетной жизни. Его светская нелюбовь, пренебрежение светскими условностями, как справедливо разъясняет его жена, связана с тем, что он невероятно много работает и почти не бывает в свете. Его видимая флегматичность — следствие того, что он считает вздором с точки зрения народных интересов все то, из-за чего так бурно волнуются либералы: будет или не будет подписан рескрипт, будет принят план крепостников или либералов — все это с его точки зрения мелочи, пустяки, из-за которых не стоит волноваться. Недаром Волгина совершенно оставляет вялость, когда он встречается с Левицким, с человеком, которого считает важным приобретением для революции.

Эти индивидуальные особенности Волгина Чернышевский раскрывает приемами простодушного юмора, веселого и бес-

хитростного. Хотя смешные странности Волгина и не составляют его силу и расходятся с представлениями об идеале человеческой красоты, они в то же время необходимо связаны с наиболее благородными, возвышенными сторонами его характера. Поэтому Чернышевский заставляет читателя смеяться над этими качествами героя, но без малейшего осуждения; и этот смех нисколько не мешает любить героя и восхищаться им, любить даже его смешные странности, которые столь неотделимо связаны с его высокими достоинствами.

«Он был неловок до смешного», — замечает Чернышевский о Волгине и юмористически изображает эту неловкость, например, в сцене, когда он разговаривает с Савеловой, которую пришлось ему принимать в отсутствие жены: «Жена извиняется перед вами, — очень развязно начал он, входя в гостиную и делая усердный поклон прежде, нежели успел обратиться в какой стороне комнаты гостя, и туда ли он обращается с поклоном, куда следует. — Жена извиняется перед вами; она не была уверена, что вы придете ныне; она скоро... — На этом пресекалось объяснение, и голова развязного хозяина, поднимавшаяся из глубокого поклона, заморгала, заморгала: он постиг, что ляпнул непростительную неловкость: он знает, что она должна была приехать к его жене, — стало быть, знает, по какому случаю приехала! — Как он глуп! — И что она подумает о Лидии Васильевне? — Какое право Лидия Васильевна имела сообщать ему чужую тайну? — Все эти мысли с быстротою молнии пронеслись в его уме, потому что он был необыкновенно быстр в соображениях, он заморгал в отчаянии; но отчаяние и дало ему силу; он махнул рукою, приподнимавшеюся перебирать бороду, и, не моргая, прямо смотря в глаза госте, быстро заговорил».

За неловкостью Волгина, за его неумением соблюдать светские условности Чернышевский обнаруживает подкупающую искренность и доброжелательность, и читатель чувствует, что его «странности», в сущности, гораздо человечнее и благороднее, чем «слишком усердная полировка», которая стерла все живое и благородное в его беседах.

Чернышевский юмористически изображает и манеру Волгина шутить над собою, и его негодование по поводу его собственных слабостей и ошибок. В этих шутках или непомерном негодовании по своему собственному адресу сказывается комическое несоответствие между высокими достоинствами Волгина и его слишком низкой самооценкой. Например, во время встречи с Левицким на улице Волгин приходит в состояние бурной веселости от мысли, что могут быть поклонники его литературного таланта: «Да-с, — флегматически отвечал муж смуглой дамы, и вслед за тем взвизгнули пронзительным ульт-

ра-сопрано, от которого зазвенели стекла в соседних окнах: — Ххи-ххи-ххи-хха-хха-хха-ххо-ххо-ххо!.. — поднялась рулада опять до пронзительного визга. — Ххи-ххи-ххи! — А вы, я вижу, мой поклонник? — Вот находка! — Драгоценность! — В целой России, только два экземпляра: вы да я сам... — Ну, прощайте, — ххи-ххи-ххи — мой поклонник — ххо-ххо-ххи-ххи-ххи... — залился он пронзительными и ревушими перекатами по всем возможным и невозможным для обыкновенного человеческого горла визгам, воплям и грохотам».

Комическое впечатление здесь производит глубокое несоответствие между искренностью и силой самоосмеяния Волгина и подволом к этому смеху. Ведь нет ничего смешного в том, что у самого передового литератора своего времени есть поклонники среди революционно-настроенной молодежи. То же самое происходит и в других случаях, когда, например, Волгин «заливается руладой» над мнимым своим ничтожеством и глупостью или приходит в глубокое негодование на себя: «Ты не поверишь, как я глуп в своих делах!» — сетует он перед женой по поводу ничтожной ошибки, даже не ошибки, а недостаточной пронизательности в незначительном эпизоде с Савеловой: «Удивительно! удивительно! — За такую глупость, голубочка, маленьких детей надобно сечь, — а когда дурак в мои лета, что с ним делать?... Вот что я тебе скажу, голубочка: сам не понимаю, как это у меня достает глупости быть такую дрянью! — Удивительно! — Волгин стиснул зубы и устремил свирепый взгляд на салфетку. — Вот видишь, голубочка, эта тряпка, — он взглянул на салфетку. — Вот видишь, голубочка, эта тряпка, — он взял салфетку! — это я и есть».

Комизм и здесь заключен в несоразмерности между ничтожностью повода и силой самоосуждения Волгина. Но такая склонность несколько не компрометирует Волгина, ибо в этом проявляется благородная черта его характера — чрезвычайно высокая требовательность к себе. Чернышевский писал в «Материалах для биографии Н. А. Добролюбова»: «Мне довольно часто попадались люди, мучающиеся мыслью, что в них недостает именно тех способностей или качеств, которые очень сильно развиты у них... Большая часть встречающихся мне людей замечательно твердого характера были мучимы недовольством собою за безхарактерность... Человек, у которого есть сильная способность к чему-нибудь, имеет очень ясное представление о том, что такое значит сила этой способности; он очень живо и рельефно представляет себе идеал ее, а перед идеалом факт действительно неудовлетворителен» (X, 53—54).

Именно высота идеала, по которому Волгин меряет себя, является источником его комического самоуничижения. Юмор в изображении Волгина помогает полнее почувствовать его

душевное благородство и сложность, живую диалектику его души, его внутренние противоречия, порожденные противоречивым его положением в жизни — положением человека чрезвычайно высоких нравственных требований и идеалов, поставленного в уродливые условия отсталой русской жизни.

Такой же характер носит юмор и в изображении Соколовского. Он не наделен чувством юмора. Серьезность, с которой он занимается пустяками, всякими либеральными проектами, т. е. «вздором» и «чепухой», по определению Волгина, уже производит комическое впечатление. Этот комизм усиливается, когда он внушает фрейлине Тенищевой идеи прогресса и записки угнетенных, не сомневаясь в том, что эта неумная барыня может стать сознательной участницей политической борьбы.

Но и в данном случае комизм направлен не против Соколовского, а только против его наивности, его образа действий, потому что он сам честный и энергичный человек, заслуживающий любви и уважения своей беззаветной преданностью интересам народа. Юмор в изображении Соколовского хотя и не совсем «простодушный», но и в нем тоже «гораздо более смеха, нежели горя», он не мешает относиться к Соколовскому с полной симпатией.

Чернышевский прекрасно владеет всеми оттенками и формами юмора, от самого горького, сдержанно-желчного, даже мрачного юмора, до лукаво-спокойного и открыто-простодушного. Юмор служит ему средством необычайно точной социально-политической, нравственной и одновременно эстетической оценки характеров и явлений с точки зрения революционной демократии. Поэтому он и выступает в различных формах и оттенках, то как орудие художественной сатиры, то как средство раскрытия типических особенностей положительного героя, то как прием живой индивидуализации образов.